

УДК 340.12

Б.М. Лепешко

ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматриваются категории «право», «традиция», «ценность» в их взаимодействии и взаимовлиянии. Характеризуется специфика методологии, основанной на теории ценностей, анализируется аксиологический метод. Обращено внимание на нормативный характер правовой традиции, охарактеризованы существенные черты традиции в праве. Охарактеризовано соотношение дефиниций «право» и «ценность», показана специфика рассмотрения аксиологических проблем в рамках национального типа мышления.

В самом общем виде данную проблему, можно сформулировать так: каким образом правовые традиции в обществе формируют систему ценностей и формируют ли вообще? Иначе: ценности, бытующие в обществе формируют соответствующие правовые традиции либо процесс осуществляется с точностью до наоборот? Можно обосновать и иной подход, связанный с пониманием сути права и выбором тех или иных методологических констант. То есть, например, одно дело, когда мы заявим о преимуществе позитивистского методологического инструментария и право окажется «зачищенным» от неких «традиций» вообще (юридический позитивизм), либо мы выберем иную систему философско-правовых приоритетов, связанных с осознанием важности и неизбежности обращения как к традициям, так и к ценностям.

Данная проблема, по сути, не нова, к ней обращались не раз и осмысливали с разных методологических позиций. Задача данной статьи – показать, что условия нынешнего века, ситуация, сложившаяся в науке после жёсткого падения приоритетов марксистского правоведения, ситуация методологической «всеядности» несколько не дезавуируют остроту проблемы. Более того, на первый план выдвигается новое «прочтение» понятий «ценность», «право», «традиция», основанная не столько на диалектике понятийных форм, сколько на понимании изменившихся условий жизни. Впрочем, мы можем и должны говорить прежде всего о национальной правовой традиции, о ценностях, являющихся определяющими для белорусского общества, о понимании ключевых понятий и их диалектики с точки зрения национальной правовой практики.

I. Имеет смысл начать с характеристики основных категорий, в частности, «ценности». О ценностях мы сразу же заговорили в контексте понятия «проблема», и это далеко не случайно. После того, как оформилось аксиологическое (от греч. *axia* – ценность и *logos* – учение) направление в философии (а это вторая половина XIX века), стало возможным говорить и об аксиологии в праве, причём в контексте жарких споров теоретиков права относительно специфики и сути данной методологии и в условиях отсутствия единых базовых теоретических оснований. Более того, первоначально отношение к аксиологии было чрезвычайно скептическим, и основные каналы проникновения тех или иных идей, сопряжённых с теорией ценности, были связаны с деятельностью философов. Скажем, Владимир Соловьёв, претендующий на системность мышления и являющийся, по сути, первым и последним систематиком в отечественной интеллектуальной традиции, определял ценность как свидетельство присутствия высшего, религиозного смысла в тех или иных реалиях социальной и духовной жизни, в том числе – праве. Попутно заметим, что для христианской аксиологии любое проявление

чувств и воли человека, его стремление достичь какой бы то ни было цели связано с евангельскими нормами, идеалами, целями.

В отечественной интеллектуальной традиции преобладал пессимизм по отношению к категории «ценность», возможностям аксиологической методологии в целом. Преклонение перед правом, государством – «вторично» по сравнению с преклонением перед моральными нормами и соответствующим религиозным канонem. Жизнь на наших просторах определяется отнюдь не правовыми нормами, а этическими ценностями – традицию именно такого понимания проблемы заложили славянофилы. Но не только о них идёт речь. Н. Бердяев полагал, что нравственные христианские заповеди выше права, о позиции Вл. Соловьёва мы уже упомянули. А поэт позапрошлого века Б.Н. Алмазов выразил эти настроения в саркастической формуле: «Широки натуры русские, // Нашей правды идеал // Не влезает в формы узкие // Юридических начал». Лев Толстой, как известно, призывал жить по совести, а не по закону; А. Солженицын призывал к добропорядочности в торговых делах, да и в действующих кодексах понятия добросовестности, справедливости, разумности также имеют место (Гражданский кодекс РФ).

Сразу же оформилось представление о ценностях в виде определённой иерархической структуры. Скажем, существуют ценности относительные, которые могут видоизменяться, перемещаться в рамках этой самой иерархии, даже замещаться, модифицироваться, и есть ценности вечные, которые носят абсолютный характер. Исторически сама иерархия ценностей изменялась, причём могли меняться местами «абсолютные» и «относительные» ценности. Исторический характер аксиологических проблем – одно из существенных черт понимания данного феномена в принципе. Связано это с тем, что цели, планы, намерения человека не являются врождёнными – они формируются по мере социализации индивида, и только этим, кстати, можно объяснить тот факт, что та или иная ценность возникает именно в данный конкретный исторический период, но не раньше и не позже. Скажем, идея правового государства возникает в тот период, когда средние века исчерпали свои цивилизационные возможности, а новое время «заговорило» о важности появления, создания гражданского общества. Аристотель говорил о человеке как о политическом животном, а, например, Сен-Симон заговорил о человеке как животном общественном. Для того чтобы осуществилась подобного рода метаморфоза, должно было прийти понимание того факта, что же первично: общество или государство в системе социальных отношений?

Помимо исторического характера ценностных установок, представлений об иерархичности важнейшую роль в понимании базисных оснований аксиологических концепций сыграло понимание антропологического характера всех мыслимых ценностей. Человек сам формирует круг своих ценностей, он «первичен» в дихотомии «реальность» – «субъективность»; ценность в объективном, онтологическом качестве в этой ситуации «уходит» на второй план. И здесь, конечно же, сразу возникла масса концептов, которые выстраивали ценностные предпочтения исходя из особым образом понятой субъективности, особым образом понятой реальности, а также идеологических, политических, этических да и эстетических предпочтений. Мы можем здесь упомянуть такие известные имена, как М. Бахтин, А. Белый, Н. Бердяев, В. Розанов, Г. Шпет. Почему так происходило, понятно: та или иная система ценностей, воплощённая в конкретных целях (программах), имела сильное действие на конкретного человека, влияла не только на духовные, но и практические, политические действия человека, что часто использовалось в разных исторических ситуациях различными политиками-практиками.

В каком-то смысле – а именно, антропологическом, в первую очередь – мы сегодня можем говорить об аксиологизации правовой науки. Это означает, что появился острый интерес к проблемам, ранее бытовавшим на периферии интереса юристов-концептуалистов. К их числу мы можем отнести рефлексию методологического характе-

ра над правовыми проблемами; осознание совершенно новых правовых проблем и наши попытки найти им «место» в системе правового знания (правовые аспекты заключения однополых браков, «замещение» понятий «отец» и «мать» в семейных кодексах понятиями «родитель А» и «родитель Б» и т.п.); осознание характера связи между изменяющимся характером ценностных установок общества и теоретической деятельностью в сфере права; разработку новых теоретических концепций, представлений об иерархии ценностей в сфере права на основе новейших достижений междисциплинарного характера и т.д. Как отмечается исследователями, «ценностные императивы в интерпретации взаимоотношений человека, власти, государства и общества характерны и для современной юридической науки, ибо важнейшей характеристикой права, наряду с его онтологическим и гносеологическим измерением, является рассмотрение права как ценности, то есть аксиологические аспекты права» [1, с. 41]. И здесь важнейшим аспектом является этизация правовых отношений, к специфике которой мы обратимся ниже.

Конечно, апелляция к ценностям вновь возвращает нас к старому вопросу о возможностях объективного знания, ведь аксиология, как полагают критики, закрывает дорогу учёному к науке в её классическом виде? Здесь, очевидно, мы сталкиваемся с вопросом, присущим всему комплексу гуманитарных наук, с тем вопросом, ответа на который сегодня не существует. Однако мы вправе изложить то понимание проблемы, которое сформировалось на сегодняшний день. Это понимание можно свести к четырём основным тезисам.

1. Понимание собственно науки на сегодняшний день может существенно отличаться от предложенного классиками жанра (Р. Декарт, Дж.Ст. Милль и др.); в частности, постмодернистские трактовки погружают нас даже не в поиск ценностей, а смыслов этих ценностей, и привычные логико-методологические границы познания в этой ситуации существенно размываются.

2. «Изъять» субъективный фактор из комплекса гуманитарных наук не представляется возможным, это та данность, которая будет «преследовать» специалистов в сфере эпистемологии вечно, а потому все попытки «навсегда решить проблему» и именно путём дискриминации субъективного фактора обречены на неудачу.

3. Несмотря на ряд альтернативных теоретических попыток, сегодня остаётся приоритетным понимание того факта, что науки естественные и науки гуманитарные имеют свою несомненную специфику. Кажется, Т. Карлейлю принадлежит сравнение историка и физика: для первого обнаружение того, что Иоанн Безземельный проезжал через какой-то городок средневековой Англии, является фактом, который не могут поколебать никакие теории, для физика же подобный факт просто неинтересен: вновь он здесь не проедет, а неповторимое не подводится под закон. Особо отметим, что понятие «закон» для юристов имеет двойное значение в методологическом аспекте: это и результат, возможность обобщения, выявление соответствующих закономерностей (философско-методологический аспект) и основная категория права, требующая уже философско-правового осмысления.

4. Идеал объективности остаётся для юриспруденции незыблемым. Да, в итоге мы можем говорить о явном противоречии между должным и реальностью, но решения этой антиномии не предложено. В этом аспекте, кстати, нам мало что дают констатации, связанные с определением предметной области юридической аксиологии («предметная область и основная тематика юридической аксиологии – это проблемы понимания и трактовки права как ценности..., соответствующие ценностные суждения о правовом значении данного закона и государства» [2, с. 53]). Мало, поскольку само определение предметной области не обращено к специфике ценностей в праве. Здесь, однако, мы временно прервёмся и обратимся к иной нашей основополагающей категории – традиции.

II. Алан Мегилл, профессор университета в штате Висконсин, предлагает следующее определение традиции: «Традиция есть термин, относящийся к набору верований и практик, который наследуется от прошлого и имеет значение именно в связи с этим наследованием. Наиболее ярким примером традиции является религия, но сам термин «традиция» применим к любому множеству практик, которые осуществляются на основе эталона, наследуемого от прошлого» [3, с. 124]. Традицию определяют и как устойчивую нормативно-ценностную структуру, выступающую средством сохранения и передачи опыта и оказывающую регулятивное воздействие на поведение индивидов и общностей [4, с. 295].

Тот факт, что понятия «традиция» и «право» имеют глубокую и существенную связь, достаточно широко известен. Канонический пример, связанный с деятельностью Конфуция: следование традициям является основой законопослушного, морального поведения. Великий китайский учитель полагал, что стремление к новизне вторично по отношению к бережному отношению к ценностям старины, твёрдому соблюдению нормативных границ, очерченных в прошлом, соблюдению устоявшихся общепринятых норм. Кодекс конфуцианства, включавший правовые, этические, религиозные и иные предписания, просуществовал фактически до наших дней, обеспечивая стабильность в обществе и бережное отношение к правовым, государственным институтам. Нам важно отметить и иное: для китайской правовой системы в целом присуща такая черта, как преемственность во времени, обусловленная закономерностями национальной правовой системы и воплощающая связь между различными этапами развития юриспруденции. То есть, изменение политического строя не вызывает изменений в праве (его сущности, формах, структурах, функциях).

Достаточно давно было отмечено, что традиция обладает большим нормативным потенциалом. Регулятивная функция традиций, в частности, сообщает устойчивость жизни человека, тех или иных сообществ, придаёт им устойчивость в кризисные периоды развития. Такого рода устойчивость не только коренится в индивидуальной, коллективной психике, но и связана с основными архетипами коллективного бессознательного, предполагающего наличие поведенческих стереотипов. На основе такого подхода мы и сегодня говорим о важнейших функциях традиции, связанной с накоплением опыта, ориентированной на участие в передаче от поколения к поколению духовных, нравственных, правовых ценностей, основанной на использовании нормативного потенциала как формы социального контроля за поведением индивидов и некоторых иных.

Мы можем достаточно смело утверждать, что сегодня правовая традиция – обязательный элемент не просто учёта того, что было, что накоплено в прошлом в интеллектуальном, нормативном аспекте. Правовая традиция существует не в виде неких мёртвых форм, догматических предписаний, а как живое напоминание о практике предшествующих поколений и как живой импульс для позитивных изменений в настоящем и будущем. Здесь можно достаточно долго рассуждать о соотношении понятий «консерватизм» и «новации» (или «модернизм»), но жизнь дала ответ на вопрос такого порядка. Нет абсолютных ценностей: ни консервативных, ни модернизационного характера. Исключение, возможно, составляют религиозные ценности. Из истории права известно: не приводили к успеху ни полное забвение исторического опыта, ни стремление построить будущее исключительно в рамках уже апробированных теорий и ценностей. Вообще вся «борьба с пережитками», которой и мы отдали дань в советские годы, достаточно бессмысленна.

В качестве примера обратимся к одной из глав известной работы профессора В. Нерсисянца «Философия права». Этот раздел называется так: «Традиции и опыт государственно-правовых преобразований в России: актуальные уроки» [2, с. 352–371]. Автор замечает, что движение к правовому государству, реализация конституционных

прав и свобод после известных событий 1991 года усугублены «многовековыми традициями деспотизма и крепостничества, всесилием власти и бесправием населения, стойким и широко распространённым правовым нигилизмом» и т.д. Закономерно встаёт вопрос о выборе стратегических линий развития, связанных с такими категориями, как «традиция» и «настоящее», ориентирами будущего развития. Говоря иным языком, встаёт вопрос такого рода: является ли наследие (негативное) объективным, и, если да, как его избежать? Или здесь существуют некие иные связи противоречивого, как это очевидно, характера? Профессор В. Нерсисянц полагает, что выход – в «исторической самоидентификации населения России», что позволит отсеять зёрна от плевел. Правда, каким образом и что именно идентифицировать, речь не идёт. Надо, дескать, «умело сочетать опыт и уроки собственной истории с общезначимыми ценностями». С этим положением нельзя не согласиться, но вот в чём вопрос: вся пореформенная история России (а это уже 20-летняя история) показывает, что ни одна из заявленных «ценностных» задач так и не решена. И сегодня президент Д. Медведев говорит о важности ликвидации «правового нигилизма», о требовании внедрять правовую культуру в широкие слои российского населения; и сегодня мы видим, что государство носит преимущественно «императивный» характер в том смысле, что «последнее слово» чаще всего остаётся за государством. Получается, что заявленный «процесс самоидентификации» или не закончился, или неверно выбран, или даёт сбой.

Здесь, конечно, вновь следует обращение многих исследователей к старым констатациям, связанным с географическим положением страны, традиционно деспотическим характером власти, геополитическим факторам (например, расположение страны между Востоком и Западом) и так далее. Все эти факторы, начиная от славянофильских теоретиков, не раз становились предметом пристального внимания. Вопрос ведь в том, что очередное перечисление традиционных и всем известных причин отсталости страны, нерешение основных правовых проблем и вовсе не приближают нас к такого рода решению. Можно ведь вновь говорить о важности привнесения этического начала в право или либерального «подъёма личности» на небывалую до сих пор высоту; можно утверждать, что на смену дореволюционному правовому нигилизму пришёл «коммунистический правовой беспредел». Но это нисколько не продвинет нас по пути поиска ответа на всё тот же вопрос о действенности и важности правовых традиций.

Традиция, может быть, некий фатум? То есть, мы так и не вырвемся из «правовой азиатчины», и следствием этого прискорбного факта могут быть многочисленные катастрофы, иные проблемы, происходящие в стране, которые многие оправдывают всё той же традицией. То есть, наша традиция именно такая и иной ей не быть? Конечно, этот взгляд и в теоретическом, и в политико-правовом аспекте должен быть отвергнут. Даже в условиях нарастания всё тех же проблем, которые имели место и раньше. И дело не только в том, что этот пессимистический подход не даёт нам цивилизационных шансов. Дело в ином: у нас есть примеры позитивных изменений ситуации даже в том случае, когда традиция была как будто против возможного позитива. Скажем, Пётр III своим указом от 18 февраля 1762 года о дворянской вольности всё же освободил дворян от обязательной государственной службы. Екатерина II в XVIII веке всё же признала за дворянами некоторые гражданские права. А Александр II всё же предпринял попытку ликвидации крепостного права, частично увенчавшуюся успехом. Можно добавить и современный аспект темы: Михаил Горбачёв, при всём геростратовском характере своих преобразовательных усилий, всё же добился того, что на пути демократии и свободы были сделаны некоторые существенные шаги.

Традиция, как это очевидно, не носит фатумного характера, и весь вопрос не в том, какие традиции надо сохранить, а какие – отвергнуть. В принципе здесь вопрос ясен: отвергается всё античеловеческое, всё деспотически-тоталитарное, сохраняя-

ется всё то, что связано со свободой, демократией, «вечными ценностями» (характерен которых, кстати, спорен). Проблема в характере такого процесса, его сути, направленности, конкретной наполняемости с точки зрения действий законодателя, с точки зрения действий властных структур, государства. А вот здесь всё непросто.

III. Следующий вопрос может показаться парадоксальным: а есть ли у нас правовые традиции вообще? Возьмём, например, школу парламентаризма. Про суверенную Беларусь говорить в данном контексте не будем: такой школы республика вообще не знала. В России такая школа была: достаточно вспомнить деятельность Государственной Думы первых четырёх созывов (1906–1917). Можно ли назвать Думу 1993 года пятой думой? Наверное, да, можно, но обращает на себя внимание тот факт, что существенные признаки, благодаря которым возможна такая аналогия, носят, как правило, «негативный», если можно так выразиться, характер. То есть в обоих случаях можно говорить об отсутствии демократических традиций, опыта парламентаризма и конституционализма, неразвитости формируемых представительных органов, слабом контроле за исполнительной властью, отсутствии баланса между ветвями власти и т.д. Другими словами, опыт парламентаризма имеет место, однако это опыт становления, опыт ошибок и недоработок, опыт кризисов и катастроф.

Обратимся к иной сфере, связанной с подготовкой высокопрофессиональных кадров, представляющих сферу права. О каких бы то ни было традициях и здесь говорить сложно. С одной стороны, формирование профессионального корпуса адвокатов, судей, прокуроров и иных работников сферы юстиции начинается после известной судебной реформы второй половины XIX века. Именно тогда, кстати, возникла и добилась крупных результатов плеяда выдающихся русских юристов, о значении, важности трудов и деятельности которых мы говорим и сегодня. Сергей Муромцев, Максим Ковалевский, Лев Петражицкий, Борис Чичерин, Богдан Кистяковский, Фёдор Плевако, Пётр Александров, Павел Новгородцев и многие иные адвокаты, прокуроры, судьи, университетские профессора действительно создали ту базу, ту основу, на которой можно и нужно было развивать правовую традицию. Но не получилось, не срослось, поскольку советская юриспруденция развивалась совершенно по иному пути, в рамках иных правовых форм и иного правового содержания. Не говоря уже о содержании мировоззренческом, политическом, идеологическом. Сегодня мы реанимируем подзабытые имена, возвращаем в научный и общественный оборот идеи, мысли выдающихся юристов, но говорить определённо о том, что мы вернулись к собственным традициям, сложно. О каких традициях можно вести речь, если названных нами выше выдающихся имён студенты юридических факультетов белорусских вузов в своём большинстве не знают вовсе!

Возьмём ещё один пример, тоже «негативного» характера – события в Москве в сентябре–октябре 1993 года, известное силовое решение проблемы двоевластия. Как известно, президент России Б. Ельцин приказал штурмовать российский Белый дом, где засели его политические противники. Ведь если говорить по существу – а именно о том, что налицо имелась «малая гражданская война», что никакого правового способа решения возникшего конфликта между двумя ветвями власти не было и быть не могло (в силу тех же традиций), – то это как раз и укладывалось в ту практику, с которой мы за много веков привыкли иметь дело. Но вряд ли это та традиция, которую есть смысл «пролонгировать» в будущее. То есть, мышление в формулах «если враг не сдаётся – его уничтожают», «если суверенитета мало – берите столько, сколько хотите», это мышление не правовое, а политическое, маккиавеллистское по сути, когда целевые установки заменяют сугубо правовую форму решения проблем. Потому в итоге получилось, что правовые аспекты формирования нового общества и в те первые пореформенные годы конца XX века были на задворках общественного внимания, выглядели и являлись «вторичными» по отношению к ценностям прагматическим, политико-идеологическим.

Чтобы ещё раз убедиться в этом, вспомним Беловежские соглашения 1991 года, прекратившие существования великой страны: количество «права» в той ситуации было равно количеству и качеству политической воли, что, однако, не одно и то же.

Другими словами, у нас если и была традиция, то, скорее, традиция правового нигилизма, традиция пренебрежения правом. В том же случае, когда мы всё-таки можем говорить о формировании подлинной правовой культуры, то замечаем, насколько быстро прекращается этот период в национальной истории. Тот же период расцвета национальной юридической мысли во второй половине позапрошлого века: ему было отпущено сорок – сорок пять лет, не более. А ему на смену приходит всё то же «личное волеизъявление» кого бы то ни было (царя, генерального секретаря), диктат партии (коммунистической или иной), наплевательское отношение к правам личности, пренебрежение личным в угоду или непонятно какой «высшей цели», или идеологическим, коррупционным интересам. Словом, у нас актуальной является задача не восстановления преемственности, а осознание подлинных интересов и формирование правовых традиций, как очевидно, с учётом всех наших нынешних реалий.

Но что следует из приведённых замечаний? То, что правовая традиция у нас может и должна формироваться в нынешнем, уже XXI веке, что правовых традиций нет в принципе? Конечно, данная точка зрения – это крайность. И аргументы, дезавуирующие эту крайность, очевидны. Мы, в частности, воспитаны, интеллектуально обогащены теми идеями, той правовой практикой, которую осуществляли великие национальные юристы предыдущих поколений. В качестве примера напомним о замечательной книге «Речи известных русских юристов», куда вошли судебные речи выдающихся адвокатов конца XIX – начала XX века. Выступления в суде этих людей находили понимание у широкого круга людей потому, что частный судебный случай служил им поводом «для поднятия общих вопросов и их оценки с точки зрения политика, моралиста и публициста». Это точка зрения А.Ф. Кони [5, с. 3]. Зададимся простым вопросом: могли ли состояться как профессионал защитник Веры Засулич на известном процессе 1878 года П.А. Александров или выступающий по делу игуменьи Митрофании Ф.Н. Плевако, если бы не было национальной этической, христианской школы мышления и практики, если бы не сложилась рационалистическая школа в философии, если бы не возник национальный подъём второй половины XIX века? Говоря иным языком, традиция – это ведь не только всё то, что связано с известными западноевропейскими да и в целом мировыми формами развития правового знания и такой же практики. Вопрос надо рассматривать шире и включать в понятие правовой традиции этические, религиозные, философские нормы. И тогда ситуация станет более понятной, более прозрачной, более ясной. Потому что отечественная правовая традиция – это и этический комплекс идей, который содержится в православии. Отечественная правовая традиция – это многовековые стремления добыть «правду и волю», причём выражения этой борьбы могли быть самыми разными и не обязательно революционными. Отечественная правовая традиция – это апелляция к народному чувству, народному духу. Далеко ведь не случайно, к примеру, что крупный русский юрист Павел Новгородцев во время эмиграции свою последнюю статью назвал «Восстановление святынь». В этой статье он писал: «И как бы ни представить себе переход от жёсткого и умертвляющего деспотизма советской власти к формам более свободным, всё равно русский народ не встанет со своего одра, если не пробудятся в нём силы религиозные и национальные. Не политические партии спасут Россию, её воскресит восставший к свету вечных святынь народный дух» [6, с. 9]. Конечно, скептики могут сколько угодно иронизировать над столь не сциентистской категорией, как «национальный дух», но примечательно, что для целой когорты выдающихся отечественных юристов именно эта «постнекласическая» (по сути) дефиниция стала определяющей в их творчестве. Другими словами,

мы можем и должны искать фундамент идейного, мировоззренческого, духовного, правового движения вперёд на основе всего комплекса достижений национального гуманитарного знания. Возразят: предмет, о котором ведётся речь, окажется размытым, слишком широким, утратившим свои гносеологические границы. Но послушаем, например, известного русского юриста Н.Н. Алексеева (1879–1964): «В нормальной и здоровой правовой системе внешнему статусу справедливости должен соответствовать внутренний статус добродетели» [7, с. 128]. То есть этические категории вовсе не являются чужеродными для правовых конструкций. Вообще понятие справедливости – важнейшее в национальной правовой мысли.

IV. Так как всё же соотнести категории «ценность» и «право», какого порядка взаимосвязи формируются в этом случае? Здесь, на наш взгляд, мы можем сформулировать следующие положения и выводы.

1. Юрист, правоведа не может в принципе избежать определённого (личного, субъективного) отношения к предмету исследования. Это та данность, которая является объективной для всего спектра гуманитарных наук. Здесь всегда будет присутствовать и оценочный подход, и оценочное суждение. Даже формируя то или иное базовое понятие, учёный фиксирует своё к нему отношение, осуществляет тот или иной выбор методологических констант, словом, оценивает и рассуждает. Юрист не может ограничиться исключительно рациональным способом познания, здесь всегда присутствует отношение исследователя к предмету своего исследования.

2. Сущность аксиологического метода (в том случае, конечно, когда он признаётся целесообразным) заключается в отнесении объектов к той или иной системе ценностей, отбору объектов и их оценке. Скажем, обращаясь к специфике понимания государства, мы можем рассматривать данный термин и в русле этических оценок, и в рамках классового подхода, и с точки зрения христианских социальных идеалов и т.д. Ценности в данном случае определяют и характер понимания объекта исследования. Однако следует помнить, что сами по себе ценности также могут быть «объективированы», поскольку являются производным таких не зависящих от человека обстоятельств, как эпоха, политический режим, семейные традиции и т.д. Здесь вообще существует достаточно сложная взаимосвязь понятий, обстоятельств, характерная для социальной сферы отношений. Конечно же, релятивность ценностных установок должна быть относительной, иначе теряются границы гносеологической практики, субъективный фактор становится самодовлеющим, и упреки в утрате принципов научности становятся обоснованными.

3. Ценности могут и должны быть типизированы, выстроены в определённую иерархическую структуру. Это связано с несколькими соображениями. Во-первых, ценности многообразны и разноплановы, представляют точку зрения различных групп, классов, страт общества, государств и наций, их понимание зачастую затруднено именно вследствие чрезвычайной многоплановости. Во-вторых, ценности носят исторический характер, они меняются не только «от эпохи к эпохе», но и в рамках одной эпохи. Выявить, вычленить основное, определяющее, характерное именно для данной эпохи, данного времени, данного исторического отрезка функционирования социальной системы – это значит определить главное и второстепенное, существенное и отличительное. А это, в свою очередь, позволит сформировать стратегию научного поиска, действия законодателя.

4. Субъективизм юриста может и должен быть преодолен, например, на основе принципа преемственности. Ведь ни одно поколение юристов не начинало свою профессиональную деятельность с некоего абстрактного нуля. Мы все «стоим» на плечах своих интеллектуальных предшественников, и выше приводились аргументы в пользу того утверждения, что контекст правовой традиции можно рассматривать достаточно широко, привлекая культурную основу жизнедеятельности общества в целом.

Ведь на основе принятия теории ценностей в её «абсолютной» форме, апологии аксиологического подхода можно утверждать известное: «Сколько юристов – столько и точек зрения». Это непродуктивная точка зрения, поскольку, в частности, юрист обращается к правовой реальности такой, каковой она была до него, и после него таковой и останется. Не правовед творит правовую действительность, а наоборот, правовая действительность первична, и мы воспринимаем её как объективную данность.

5. Существуют достаточно аргументированные точки зрения (например, Ганса Кельзена), в основе которых лежит идея «чистоты права», «очищения права» от всего того, что не есть право (этика, история, социология, психология и т.д.). В основе идей Г. Кельзена и других похожих подходов лежит отрицание самой возможности правовых традиций, исключение из обихода правовой мысли философии права в целом, выдвижение на первый план нормативистского подхода как метода долженствования. Норма при этом выступает как форма толкования сути бытия, и именно норма придаёт бытию правовой смысл. Здесь сразу же напрашивается такой контраргумент: а не является ли «норма» Ганса Кельзена той ценностью, которая и определяет его собственное понимание сути права, а иерархия норм есть иерархия именно таким образом понятой системы ценностей? Ведь норма, по Кельзену, это «умозрительный эквивалент естественно-правового Бога и позитивно-правового Законодателя», а такого рода определение даёт возможность и его «ценностного» прочтения. Кельзеновская норма – чистое долженствование, исключаящее и справедливость, и свободу, и традиции. Весь вопрос, насколько это теоретически и практически возможно. Впрочем, такого рода полемика требует самостоятельного и обстоятельного рассмотрения.

6. Суждениям о ценностях не может быть присуща та степень безусловности, которую мы применяем по отношению к теоретической истине. Но это означает только то, что наши эвристические, методологические усилия должны быть максимально направлены на поиск тех границ, за пределами которых знание теряет свой объективный характер. Как писал Н. Алексеев, логика сознательно изгоняет из своих пределов Бога, и это единственно правильный путь для её развития. Но гуманитарные науки, в том числе и право, включают ценности в свой арсенал, в том числе и ценности христианские, и по-иному поступить просто не в состоянии. Здесь следует обратить внимание и на такой вопрос: а существуют ли специфические правовые ценности, или они «заключены» в более общие формы, скажем, философского, этического характера? Однозначного ответа на этот вопрос не существует, хотя основные концептуальные подходы связываются с антропологической теорией. То есть основной правовой ценностью является личность. Не государство, не конкретная правовая система, а именно личность. Особая тема – идея справедливости, но это может быть предметом специального разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яскевич, Я.С. Социально-гуманитарное знание и современная демократия: нравственные императивы / Я.С. Яскевич // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 1. – С. 39 – 45.
2. Нерсисянц, В.С. Философия права // В.С. Нерсисянц. – М. : Инфра-М – Норма, 1997. – 652 с.
3. Мегилл, А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого / А. Мегилл // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки; отв. ред. М.А. Кукарцева. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», – 352 с.

4. Бачинин, В.А. Малая христианская энциклопедия : в 4 т. / В.А. Бачилин. – СПб : Шандал. – 2003. – Т. 1.
5. Речи известных русских юристов. – М. : Юрид. литература, 1985. – 544 с.
6. Новгородцев, П.И. Введение в философию права / П.И. Новгородцев. – СПб : Фонд Университет, 2000. – 352 с.
7. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб : Лань, 1999. – 256 с.

Lepeshko B.M. The Legal Tradition and the Problem of Values

The article deals with the categories of «law», «tradition», «value» in their interaction and mutual influence. Specific of methodology based on the theory of values is characterized, axiological method is analyzed. Attention is drawn to the normative legal tradition, characterized by the essential features of the tradition in law. The ratios of definitions «law» and «value» is shown considering the specifics of axiological problems in the national mindset.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.01.2012